

ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ

«ЧТО НЕ ТАК С ПРОСТИТУЦИЕЙ?»: ДИСКУРС ПЕЧАТНЫХ СМИ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Даниил Владимирович Жайворонок*

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Жайворонок Д. (2017) «Что не так с проституцией?»: дискурс печатных СМИ эпохи Перестройки. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 75–94.

Аннотация. В статье анализируется программатический дискурс о проституции, возникший в советских печатных СМИ в эпоху Перестройки. С помощью ситуационного дискурс-анализа исследуется конструирование образа женщин, оказывающих коммерческие сексуальные услуги. Один из главных тезисов статьи заключается в том, что “проституция” представляет собой гетерогенную дискурсивную сборку, включающую в себя различные элементы, взаимно конституирующие друг друга. Во время Перестройки дискурс о проституции одновременно оказывался дискурсом о роли журналиста, гендерном порядке, границах государства и нации, капитализме и социализме, материнстве, труде, потреблении, формах жизни и морали. Также рассматриваются техники умолчания — исключения из дискурса некоторых групп секс-работниц — и их функция в производстве нарратива. Учет и внимание к гетерогенности композиции “проституции” как дискурсивного объекта-сборки открывает возможность для феминистского анализа и критики этого феномена, основанных не на заранее установленных позициях и категориях, но на ситуационном и де-эссенциалистском анализе самой ситуации дискурсивного производства. Таким образом, оспаривается позиция определенных феминистских исследовательниц, настаивающих на том, что проституция в своей сути представляет угнетение женщин мужчинами, объективацию женского тела и эксплуатацию женской сексуальности. Феминистская политика, отказывающаяся от эссенциалистских утверждений, должна быть внимательна к множеству и разнообразию опытов, ситуаций, дискурсов, а также к тем ситуациям, в которых они становятся возможны. Такой подход позволяет уйти от политики идентичности, и вместо этого предлагает организацию феминистского проекта вокруг коллективных желаний.

Ключевые слова: гендер, дискурс анализ, Перестройка, проституция, секс-работа, ситуационный анализ, феминизм

* E-mail: dzhajvoronok@eu.spb.ru

Введение

Одной из характерных функций «проституции» как дискурсивного объекта является практически неизбежное говорение о ней в модусе проблемности: с ней практически всегда оказывается что-то не так. Достаточно вспомнить феминистские «секс войны», в которых тема проституции на протяжении нескольких десятилетий является одной из самых трудных, провоцирующих постоянные споры и конфликты. Поэтому вынесение вопроса о том, «что не так с проституцией?» в заглавие двух статей классиков феминистской теории, Кристин Оверол (Overall 1992) и Кэрол Пэйтман (Pateman 1999) не является удивительным. Оба текста начинаются с утверждения о том, что проституцию необходимо рассматривать как элемент патриархатного капитализма/капиталистического патриархата. В своих выводах исследовательницы, придерживаясь линий интересных и довольно сложных аргументов, приходят, тем не менее, к ожидаемому (в рамках того направления феминизма, к которому относятся) заключению, что проституция является формой патриархатного и капиталистического угнетения женщин и, следовательно, феминистская политика должна быть направлена против существования этого института.

Свой текст я рассматриваю как концептуальный спор с указанными исследовательницами и той традицией феминистской мысли, которую они представляют. Как и они, я задаюсь вопросом о том, «что не так с секс-работой?», но размещаю его в контекст рассмотрения публикаций в советских газетах и журналах эпохи Перестройки. То есть в период, когда начинается трансформация общественно-политического поля и становится возможным формирование официальных и публичных дискурсов о проституции, ранее табуированной темы. Однако более важным отличием этого текста от статей Оверол и Пэйтман является сама исследовательская позиция.

Проблемой подхода Пэйтман и Оверол является то, что их исследования начинаются и заканчиваются в одной и той же точке, эллиптически замыкаясь на своем собственном изначальном допущении (существование «капиталистического патриархата»). По меткому выражению Аннмари Мол недостатком подобного подхода, свойственного некоторым феминистским течениям, является его предсказуемость: как и в плохом детективе, «ты с самого начала знаешь, «кто убийца»» (Hirschauer, Mol 1995: 370). Как утверждают феминистские исследовательницы экономики и производственных отношений Гибсон-Грэхам (Gibson-Graham 2006), подобное рассмотрение капитализма, патриархата и иных схожих феноменов в качестве тотальных структур, играющих одновременно роли условия, объяснения, контекста и вывода, порождает тип критики, замыкающейся на самой себе и своих

объектах. Из такой позиции становятся практически неразличимы линии разрывов, ускользания и контингентности, выпадающие из логики функционирования тотализующих описаний. Поэтому необходимо пытаться искать новые стратегии, которые позволили бы выйти из порочного круга самовоспроизводящейся критики.

Эта статья — упражнение в феминистском «ситуационном анализе» (Clarke 2005), то есть в социологии, не претендующей изначально на критический взгляд, пронзающий обманчивые поверхности и складки социального, чтобы обнаружить скрывающуюся под ними работу фундаментальных структур власти, существование которых предполагается изначально (см. также Латур 2014а). Вместо этого я обозначаю такую исследовательскую позицию, которая прежде всего увлечена анализом самой поверхности окружающего мира: случайных или нарочитых положений, поз, сочетаний, взаимодействий, дискурсов. Вынося за скобки вопросы о том, почему и как сложилась та картина (причинно-следственные связи), которую мы наблюдаем, такая социология должна тем больше стараться ухватить именно видимое, то есть сами социальные декорации и аранжировки, понять их собственную организацию-сборку. При этом фигура социолога не занимает место где-то вне рассматриваемого пространства, но размещается в нем (Haraway 1988; Harding 1993), а сама социология становится еще одной техникой декоративного искусства, работающего с наличными объектами и отношениями.

В отличие от социолога, ориентированного на объяснение или критику, ситуационная социология делает не один шаг вперед, от наличного к его смыслу, закономерностям и основаниям, но, скорее, два шага назад, чтобы удостовериться, что ничего не ускользнуло от нашего взгляда (а также задаться вопросом о том, почему нечто всегда ускользает): обратили ли мы внимание на мелочи и случайности, запомнили ли детали, расположения. За этим методологическим ходом в свою очередь стоит допущение онтологического порядка о том, что “общество” (также, как, например, отношения власти) — не представляет из себя заданную или заранее данную реальность, предшествующую высказываниям о нем или взгляду на него (Haraway 1988; Barad 2003; Латур 2014б). Напротив, “общество” (и его “части”) возникает, собирается и пересобирается из различных элементов посредством практик говорения, рассматривания, классификации, проблематизации, материального производства, пространственных перемещений и многого другого (Law, Urry 2011; Prior 2003: 4; Латур 2014б). Поэтому, рассматривать перестроечный дискурс о проституции — значит рассматривать не отражения некой общественной структуры, но действие по реконфигурации общественной реальности.

С методологической точки зрения ситуационный анализ также предполагает, что некое высказывание об обществе, его характеристика, будь то

“капиталистический патриархат” в случае США или “этакратический гендерный порядок” в случае советского общества, должно быть не предпосылкой исследования, но, скорее его выводом (Hall, McGinty 2002: 303). Тем не менее, поскольку объект моего исследования довольно ограничен, о чем будет сказано ниже, в мои задачи не входит производство общего суждения о гендерном порядке перестроечного общества, даже если допустить возможность такового. Однако рассмотрение дискурсивных практик, концентрирующихся вокруг тематики проституции, может быть соотнесено с другими попытками исследования общества Перестройки и его гендерного порядка. Во-первых, потому что, как уже было отмечено, это общество и этот гендерный порядок создавались, в том числе, благодаря текстам и общественным дискуссиям, разворачивавшимся на страницах газет и журналов того времени. А, во-вторых, потому, что феминистская ситуационная социология всерьез воспринимает тезис Харауэй (Haraway 1988) о том, что признаком объективного знания является его открытость к соединению и подключению к другим нарративам и сборкам. Другими словами, задачей ситуационного анализа является производство объекта/знания/дискурса, способного взаимодействовать и использоваться в тех практиках критики, с помощью которых феминистские исследовательницы и активистки пытаются бороться с неравенством и угнетением.

Метод

Если ситуационный анализ предполагает более пристальное внимание к своему предмету, то это также означает, что исследование проводится на имманентном уровне, то есть исходя из логики самой ситуации. В данном случае речь будет идти о логике дискурсов о проституции, произведенных советскими журналистами на страницах газет и журналов в эпоху Перестройки. То есть моей задачей является не объяснение того, как порождены эти тексты и что за ними стоит, а то, как они композиционно организованы. Фокусом становится логика дискурсивной декорации: какие приемы и объекты используются, в каком отношении они находятся друг к другу и как вписываются в окружающий их контекст. И вопрос о том, что не так с проституцией — это вопрос самих текстов, или, точнее, логики их композиции.

Большинство текстов, анализирующих феномен коммерческого секса в контексте советского или постсоветского обществ, либо рассматривают проблему в более широком контексте (Кон 2010; Роткирх 2011; Avgerinos 2006; Borenstein 2006; Gal, Klingman 2000; Waters 1989), либо основываются на наблюдении, интервьюировании и анкетировании самих секс-работниц (Голосенко, Голод 1998; Ходырева 2006; Крупец, Нартова 2010; Русакова, Яковлева 2010, Кондаков 2017). В отличие от первых работ, данная статья в некотором роде предлагает изменение перспективы: вместо того, чтобы

проследивать линии влияния социальной, экономической и политической динамики на практики и репрезентации коммерческого секса, здесь будет принята попытка показать, в том числе, как сами дискурсы о проституции делали возможным артикуляцию и формирование других интересов, проблем и позиций. В отличие от второго типа работ, здесь не будет ставиться вопрос об опыте, повседневных практиках и статистических данных относительно сферы коммерческого секса, занятых в ней людей и их клиентов. Скорее, имплицитным допущением в данном случае является представление о том, что сфера производства дискурсов оказывает влияние на (само)описания и опыт тех, кого она в большинстве случаев претендует лишь представлять/отражать. Однако сама связь между индивидуальным/групповым опытом не будет становиться предметом настоящей статьи, хотя, безусловно, это интересная и крайне значимая тема.

Ситуационный анализ уже применялся для анализа дискурсов. Используя этот подход Кларк и Монтини (Clarke, Montini 1993) исследовали, как в дискурсивных практиках разных групп (anti-choice и pro-choice активистов, ученых, потребителей, государственных организаций) по-разному за действовало RU486, энтеральное контрацептивное средство. Авторы показывают, что нарративное конструирование препарата размещается в сети других объектов. В результате различий в организационной конфигурации дискурсов разных акторов, RU486 перестает быть стабильным и однозначным объектом, распадаясь на “множество технологий” (Clarke, Montini 1993: 68), отличающихся по своему значению, применению и эффектам.

Рейчел Вошберн (Washburn 2015) применила ситуационный анализ для исследования дискуссий в США по поводу разглашения или неразглашения данных биомониторинга — измерения уровня воздействия химических веществ из окружающей среды на тело человека. Она показала, что кроме биоэтических аргументов, в этом споре также оказываются задействованы такие элементы, как полезность, отношения между исследователем и объектами исследования, равенство, научная достоверность и наука как таковая. При этом значение и функция этих элементов каждый раз задаются взаимодействием внутри сети. Как полагает Вошберн, рассмотрение таких дискурсивных сборок “может послужить для лучшего понимания перспектив разных вовлеченных сторон, а также для выработки консенсуса между ними” (Washburn 2015: 256).

В отличие от указанных авторов, я рассматриваю не разные перестроечные дискурсы о проституции, но один конкретный дискурс, который можно было бы назвать «официальным», так как практически все относящиеся к нему тексты, публиковались в изданиях, представляющих, за исключением Огонька и Авроры, позицию властей: Комсомольская Правда, Московский Комсомолец, Правда Украины, Заря Востока, Советская Россия,

Ленинградская Правда. Первая же статья из этого ряда, за авторством А. Панчевского, появилась 18 июля 1986 года, то есть примерно спустя полгода после обсуждения «гласности» на XXVII съезде КПСС (McNair 2006[1991]: 45), в газете Советская Белоруссия (Голосенко, Голод 1998; Waters 1989). До этого времени, начиная с 30-х годов, проституция, считавшаяся буржуазным пережитком, преодоленным в советском обществе (Кон 2010: 221; Голосенко, Голод 1998; Borenstein 2006), не существовала в пространстве официального дискурса.

Поэтому анализируемые публикации, начиная со статьи Панчевского, уместно рассматривать как пример программатического дискурса, то есть дискурса «пытающегося установить способ рассмотрения или выработать предельно точно и обстоятельно новый подход к концептуализации проблемы» (Kendall, Wickman 2004: 14). Другими словами, речь идет о достаточно однообразных текстах, имеющих набор общих приемов и позиций, в которых делается попытка изобрести и распространить определенное видение того, что такое проституция и каково ее значение. Распространению и постоянному воспроизводству подобного рода дискурсов способствовал контекст советской культуры письма, для которой была характерна высокая степень дискурсивной стандартизации. Как отмечает антрополог Алексей Юрчак, различные уровни советского официального языка, такие как синтаксис, семантика, риторика и нарративная организация, могли мигрировать из одного текста в другой, практически без изменений (Юрчак 2014: 92). Такая языковая стандартизация объясняет то, что, как будет продемонстрировано далее, одинаковые выражения и риторические формулы, а также их последовательности, можно обнаружить и в «Огоньке», и в «Советской России», в журналистской статье, в романе и письме читателя.

Именно такие устойчивые паттерны «нарративной организации», то есть сюжетные связки и переходы, выбор объектов и перспективы их рассмотрения будут фокусом в этом исследовании. Тем не менее, необходимо отметить, что рассматриваемые тексты не полностью симметричны и гомологичны. В них можно найти и различия, причем подчас очень важные. Кроме того, в эти годы уже начинали появляться и другие дискурсы о проституции (см. напр. Гальперин 1987; Собеседник 1989). Однако эти темы остаются за рамками моего анализа.

Опасные связи: о чем говорят, когда говорят о проституции

У советских авторов было свое представление о том, что не так с проституцией. Я постараюсь проанализировать те «проблематичные» изменения проституции и взаимосвязь между ними, которые конструируются в этих текстах. Для начала нужно отметить, что для перестроечных авторов проблематичным является сам феномен говорения о проституции —

с 30-х годов считалось, что “коммунизм — могила проституции” (Кон 2010: 221). Поэтому авторы, писавшие о ней в начале Перестройки, оказывались в дискомфортной позиции. У них не было выработанного языка и приемов для описания этого феномена, а кроме того требовалось изобрести средства собственной легитимации, оправдать причастность к говорению о теме, которая так долго пребывала в зоне умолчания. В этой связи характерна позиция одного из авторов, Додолева, признающего проблематичность или даже травматичность говорения о проституции в публичном пространстве, но все же оправдывающего это действие его позитивными эффектами: “Правда бывает горькой. Как лекарство, которое быстрее помогает избавиться от болезни” (Додолев 1986б: 3). То же самое ощущение неловкости, смущенности передано в заголовке одной из статей: “Улыбка ‘Джозефины’. Откровенно о постыдном” (Шаров 1987). То есть говорить/писать о проституции неприятно, некомфортно и морально проблематично (стыдно), но, тем не менее необходимо для того, чтобы избавиться от этого опасного порока — как заявляют другие журналисты, “Больше всего эти “бизнесменки” боятся гласности” (Мысяков, Якубович 1986: 3).

Артикуляция проституции как болезни делает возможной легитимацию журналистской профессии, уподобляемой врачеванию социальных травм. Таким образом выстраивается следующая семантически связанная цепочка: проституция-болезнь — травмированное/зараженное общество — журналист-врач. Одной из предпосылок этой логики является допущение о том, что наличие коммерческих секс-услуг является симптомом болезни общественного организма, и, следовательно, вопросы о том, что не так с проституцией (а также имплицитно подразумеваемый, что с ней делать) переносятся на все общество в целом. Проституция позволяет определить общество как уязвимое и травмируемое, а, значит, нуждающееся в помощи. Такое позиционирование открывает пространство для новых позиций и игр власти и, в том числе, обретения новой легитимности и признания журналистами, выполняющими необходимую работу по врачеванию ран социального тела. Но что же это за раны? Какую угрозу для перестроечного общества, по мнению тех, кто писал об этом, несла в себе проституция? Здесь можно выделить несколько основных тем, пересекающихся между собой.

Чужие

В одной из центральных нарративных линий, встречающейся в большинстве статей, проституция связывается с внешнеполитической угрозой. По мнению Дубковского, проститутки наносят “непоправимый урон облику Ленинграда в глазах многочисленных туристов, как наших, так и зарубежных” (Дубковский 1987: 4). Додолев негодует, увидев в “образчике скандинавской периодики” собор Василия Блаженного и улицу Горького,

сопровождавшихся сообщением о том, что “русачки готовы на все за 150 марок”:

«Здесь разговор уже не о женской гордости — о национальном достоинстве... пошлая картинка из бульварного журнальчика пытается перечеркнуть все милые сердцу образы. И этот повод нашим идейным противникам дают бойкие валютные дамочки, которые самым безобразным образом порочат нас» (Додолев 1986б: 3).

Панчевский и вовсе считает, что “спецслужбы капиталистических стран” специально направляют молодых людей в СССР, где те вступают в контакты с секс-работницами и возвращаются с ними (под видом будущих жен) на Запад, что делается для “дискредитации социализма”: “Речь уже идет не просто о спекуляции купюрами, желании красиво жить в обществе, не давая ему ничего взамен..., а о спекуляции нашими духовными ценностями, которая сродни предательству” (Панчевский 1986). Осинский и Попов заявляют: “они торгуют не только своим телом, но честью государства” (Осинский, Попов 1987). Все эти формулировки продолжают линию травмированного и находящегося под угрозой общества.

Однако в данном сюжете интересным представляется смешение и пересечение внешнего и внутреннего, а точнее то, что проституция оказывается внутренним внешним. Она находится внутри советского общества, но неразрывно связана с внешними факторами (валюта, журналы, спецагенты, гостиницы, иномарки, предметы потребления, то есть, в конечном, счете капитализм) и, в том числе поэтому, от нее нужно избавиться. Опасность проституции заключается в том, что в ней смешиваются границы “нашего” и “чужого”, а, следовательно, ставится под сомнение коллективная идентичность. «Ночные бабочки» как бы представляют собой порождающее тревогу вторжение капитализма и рыночных отношений в реальность «развитого социализма». Пассаж, предельно ярко иллюстрирующий болезненность такого вторжения, можно найти у Панчевского, когда он пишет о некой «Зондерше» — псевдониме одной из секс-работниц: «Проклятое слово, о котором вспоминаешь, глядя на памятники сотням тысяч жертв зондеркоманд, творивших злодеяния... в годы гитлеровской оккупации» (Панчевский 1986). Такое сравнение с фашистскими войсками призвано не только еще раз подчеркнуть внешний характер проституции для советского общества, но и показать масштабы ее угрозы. Однако с прагматической точки зрения эта опасность предоставляет возможность для негативной артикуляции этой идентичности и общности: “духовные ценности”, “социализм”, “милые сердцу образы”, собор Василия Блаженного и улица Горького. Описания проституции как “предательства чувства Родины” (Иновели 1987: 4) одно-

временно являются поводом для того, чтобы ввести в дискурс точки, вокруг которых можно было бы удерживать/пересобрать воображаемую коллективную идентичность.

Гендерные закон и порядок

Другой опасностью проституции является нарушение нормативного гендерного порядка, приписываемого советскому обществу. Ирина Иновели так определяет один из источников появления проституции: “неумение осознать свою принадлежность к определенному полу” (Иновели 1987: 4). “Женщинами их [секс-работниц] назвать уже трудно”, — считает Кислинская (1987: 4). С ней солидарен Додолев: “Подобный промысел давно уже вышел за рамки представлений о женщине... это подобие женщины готово на все” (1986). Таким образом, проституция представляется не просто нарушением советской “гетеросексуальной матрицы” (Butler 1990), но и подрывом его оснований: четкого разделения на мужские и женские роли. Женщина, “забывшая о своем предназначении — быть любимой женой и матерью” (Панчевский 1986), перестает быть женщиной, и такой отказ от нормативных предписаний однозначно прочитывается как угроза общественной организации.

При этом, с другой стороны, образ секс-работницы предстает одновременно и как слишком женственный и как пугающе маскулинный. Частые описания таких характерных для женского гендерного дисплея качеств как работа с внешностью (одежда, косметика, позволяет открывать перед собой дверь), тактик флирта и обольщения сочетаются с указанием на явно маскулинные черты: женщины, предлагающие коммерческие секс-услуги изображаются как активные субъекты, “охотницы” (Черкасов 1986), преследующие “подгулявших иностранных козликов” (Панчевский 1986), и как “бизнесменки”, выстраивающие собственные, довольно сложные экономические стратегии, инвестирующие в “средства повышения производительности труда” (Додолев 1986б: 3), оценивающие риски и ресурсы.

Однако фигура секс-работницы оказывается субверсивной не только по отношению к гендерным нормам, но и к закону как таковому. Мысляков и Якубович констатируют: “Закон, увы, перед “бизнесменками” бессилён” (Мысляков, Якубович 1986:3). Осинский и Попов с сожалением замечают, что “этим преступницам практически ничего не грозит” (Осинский, Попов 1987). Шаров констатирует с пессимизмом: “Не готовы мы к борьбе с проституцией. Безоружны перед злом” (Шаров 1987). То есть секс-работа в буквальном смысле находится вне закона, тем самым нарушая логику юридического и морального порядка. Но у этой проблемы также есть гендерное измерение. Наиболее ярко оно представлено в одном из начальных эпизодов повести Кунина “Интердевочка”: задержанные в отеле для интуристов

секс-работницы “качают права”, хамят и шутят над сотрудниками правоохранительных органов. Один из следователей с грустью констатирует свою беспомощность: “Если бы я был вооружен законом против проституции, Зинаида Васильевна, я бы еще несколько лет тому назад вас изолировал” (Кунин 1988). “Беззаконие” секс-работниц оказывается гендеризированным — это не только ускользание от правовых норм, но и нарушение норм гендерных. Фигура сотрудника правоохранительных органов, в которой сочленяется мужская власть и власть государства, оказывается неспособной в должной мере исполнять свои функции управления и контроля, сталкиваясь с секс-работницей, гипер-сексуализированной и одновременно цинично расчетливой. Проституция оказывается на линии ускользания и от власти мужчин, и от надзора официальных государственных органов и их идеологии.

Формы жизни

Если последовать за интуицией Джудит Хальберстам (Halberstam 2005) о том, что ненормативная субъективность (к примерам которой он сам относит секс-работниц и работников) связана с формой жизни, не укладывающейся в пространственные и временные рамки, предполагаемые господствующими режимами производства и социальной организации (дом/ работа, публичное/приватное; детство — юношество — зрелость — старость), то иные пространства и темпоральности можно обнаружить и в разбираемых текстах. Постоянный интерьер описания “фирмачек” — это отели, рестораны, бары, такси, курорты. Работой себя “не обременяют” (Дубковский 1987: 4), имеют доступ к товарам и услугам, практически недоступным для обычных трудящихся (дефицитные товары из магазинов “Березка”, путевки на лучшие курорты несколько раз в год, машины, кооперативные квартиры, заграничная косметика и одежда). Такой образ жизни, оказывающийся “духовно несовместимым с советским” также рассматривается как опасность: “они мешают нашей жизни, развращают окружающих” (Панчевский 1986).

Как отмечает Додолев, перед образом “экстравагантной дамы, спешащей к белому ‘Мерседесу’... меркнут слова взрослых о честном труде” (Додолев 1986б: 3). Форма жизни секс-работниц не совместима ни с традиционной женской ролью (мать, жена), ни с образом честной труженицы. В ней нарушается разделение между приватным и публичным: например, эротизация/интимизация общественных пространств, таких как рестораны, «приватизирует» их, в то время как коммерциализация сексуальных практик нарушает нормы, размещающие их в границах частного/интимного. Более того, роскошность, расточительность образа жизни секс-работниц бросает вызов официальной экономической и производственной системе, в которой

благополучие человека зависит от официальной, желанной постоянной работы и продвижения по карьерной лестнице.

Однако описанной “блестящей” стороне жизни секс-работниц, авторы противопоставляют негативные образы и эффекты их деятельности: «духовная нищета и венерические болезни, общественное презрение и глухая тоска по несбывшимся девичьим мечтам о настоящей любви и счастье» (Дубковский 1987: 4); «Теперь они [роскошь, беззаботная жизнь] оборачиваются другой реальностью: алкоголизм, наркомания, венерические заболевания, преступность» (Додолев 1986:3); «последствия заболеваний, нервная неуравновешенность, обостренное чувство одиночества и тоски» (Куров 1987: 4). Особенно стоит отметить то, что многие авторы указывают на, понимающуюся как однозначно травматичную несовместимость секс-работы и материнства: «Даже если у гуляющей будут дети, чему они будут научены? Интеллект этих женщин страшно убог, они не читают, не способны ни в чем разобраться» (Куров 1987: 4); «материнство, тяга к которому изначально заложена в каждой женщине, становится невозможным из-за бесконечных аборт и болезней» (Дубковский 1987: 4).

Проституция также характеризуется как “уродливое явление”, “мерзость”, “грязь”, “социальные отходы”. Секс-работницы — это мотыльки, бабочки, “неразумные мошки” и даже “тараканы” и “паразиты”, их мораль суть “мораль животного, живущего только природными инстинктами”. В письме в редакцию газеты “Правда Украины” ветеран ВОВ называет их “гнояниками на здоровом теле” (Правда Украины 1987). Такие стигматизирующие и дискриминирующие описания служат для легитимации требования репрессивных мер по отношению к секс-работницам: с мнением Кислинской о том, что “[п]роституция должна быть уголовно наказуема” (Кислинская 1987: 4) согласны практически все авторы. Более того, Панчевский даже сам берется играть роль судьи: приходя на помощь «безоружным» представителям правопорядка, он публикует имена и фамилии женщин, занимающихся предоставлением сексуальных услуг, дабы навлечь на них всю мощь общественного порицания.

Однако значение требования о введении закона против проституции не ограничивается юридическим полем. Его смысл заключается в том, чтобы закрепить определение проституции, лишив его субверсивной амбивалентности, и, тем самым, стабилизировать социальное тело, организационные границы которого дискурсивно представляются как подверженные распаду и размыванию. Обсуждение и осуждение “ночных бабочек” становится средством для ре-артикуляции норм и идентичностей: социализм и капитализм; мы и они; честные труженики и паразиты; женщины-героини, защитницы отечества и предательницы; хорошие и плохие/несостоявшиеся матери и жены. Таким образом, вопрос о том, что не так с проституцией

оказывается способом говорения о таких вещах, как гражданство, гендерные идентичности и роли, политические модели, экономика и формы жизни.

Режим незамечания

Дискурс печатных СМИ эпохи Перестройки, как и любой другой дискурс, конституировался не только техниками письма или говорения, но и тактиками умолчания. Призрачным объектом, который постоянно ускользал от внимания этих текстов, была другая группа секс-работниц. Как отметила Сьюзан Уотерс (Waters 1989: 6-7) советские СМИ этого периода были сфокусированы на “элитном” сегменте проституции. Но даже в тех текстах, в которых другие группы секс-работниц все-таки упоминаются, выводы, в конечном счете, основываются на анализе именно первой группы.

Наиболее отчетливо другая категория секс-работниц представлена в тексте Кислинской (1987). Здесь есть описание, основанное на картотеке московского майора милиции, тех, “кого в анкетах указывают бомж”, и чей опыт связан не столько с доступом к дефицитным импортным товарам, валюте, курортам и другим аспектам роскошного потребления, сколько с бедностью, насилием и нехваткой ресурсов (“те, кто кроме плешки ничего не видел”). Отмечается и разнообразие путей, которые приводят к попаданию в эту категорию секс-работниц: бедность и алкоголизм родителей, выход из элитной категории в силу возраста или здоровья, неправильный образ жизни. Но обнаружение этой группы тем не менее не влияет на организацию нарратива статьи Кислинской, воспроизводящему большинство из уже проанализированных диспозиций. Соответственно, сохраняется и требование введения уголовного наказания за проституцию: “В нашей стране это уродливое явление не может оставаться вне закона” (Кислинская 1987:4).

Такой подход, основанный на редукционизме и упрощении обсуждаемого феномена, незамечании той или иной его стороны, также задает возможность того, что может быть сказано в границах дискурса. Так, например, он позволяет заявить Мысякову и Якубовичу (как и некоторым другим авторам), что “нет смысла размышлять о социальных причинах этого явления [проституции]. Не нужда их гонит на поиски “сомнительных” контактов” (Мысяков, Якубович 1986: 3). Представляется, что если бы в дискуссии больше внимания было уделено той группе секс-работниц, которая встречается в тексте Кислинской, то такое суждение имело бы гораздо меньше оснований. Фокусировка на “фирмачках” и определение проституции через враждебное влияние Запада, болезнь социального тела, бессилие закона, дефицитные товары потребления — все эти описания блокировали поиск иных политических решений за рамками криминализации.

Заключение

Анализ программатического дискурса эпохи Перестройки показывает, что “проституция”, как дискурсивный объект, была вплетена в разветвленную сеть, соединяющую разных акторов, значения и отношения. Фигура “фирмачки”, ее содержание и функция конструируются через соотнесение с такими объектами как журналист и его роль, сотрудники служб правопорядка, валютные магазины, советское общество, западные страны, культурные ценности, гендерные нормы. Эта сеть нестабильна. Собранная в определенной исторической ситуации, она затем подверглась реконфигурации. Некоторые элементы (например, валютные магазины) просто исчезли, другие выпали из этой сети (Родина Мать), отношения между другими трансформировались. Важно отметить, что в этой сети проституция не только конституируется через взаимодействие с другими элементами, но что она сама делает возможной артикуляцию и сборку других феноменов. Если в рассмотренных текстах проституция определялась как некая болезнь социального тела, то также справедливо было бы утверждать, что само это социальное тело конституировалось при помощи дискурсивного задействования проституции. Без “ночной бабочки”, перед которой он безоружен, невозможна фигура милиционера, нуждающегося в расширении своих полномочий. Так же как и субверсивность “фирмачки” конституируется не сама по себе, но только через взаимодействие с «подгулявшими иностранными козликами», порядочными труженниками, бессильным законом и материнской ролью.

Поэтому, вопреки Оверол и Пэйтман, можно было бы утверждать, что не существует проституции как таковой или сущности проституции; то, что называется проституцией, всегда складывается из пересечения различных элементов: производимых и участвующих в производстве других объектов. Такая ситуация, конечно, ставит под вопрос традиционный проект феминистской политики, опирающийся на более стабильные представления об идентичностях, социальных структурах и отношениях власти. Возможность сформировать однозначное и претендующее на отражение действительного положения дел суждение о проституции/секс-работе может являться эффективным политическим инструментом. Однако эффекты его применения могут быть противоположны тем, ради достижения которых оно изначально применялось (см. напр. Kulick 2003; Levy, Jacobsson 2013 о негативном влиянии шведского закона о криминализации покупки коммерческих сексуальных услуг).

Нестабильность и неопределенность, с другой стороны, могут значительно усложнять задачу разработки политических стратегий и тактик феминизма. В фокусе оказываются не отдельные фигуры с четко очерченными

контурами, но постоянно трансформирующиеся сети отношений, в которых объекты конституируются через взаимодействия друг с другом. Репрезентации лишаются своей невинности отражений, становясь интервенциями в (онтологические) конфигурации этого мира. В такой перспективе феминистский политический проект мог бы выстраиваться не вокруг определенной идентичности, но на наших желаниях, являясь, по выражению Уэнди Браун, не политикой “того, кто я”, но политикой “того, что я хочу для нас” (Brown 1995: 75). Как замечает Аннмари Мол, в мире неопределенности и сомнения “вопрос “что делать” не может быть разрешен через обращение к фактам или доказательствам... В политической космологии ответ на вопрос “что делать” не дан в порядке вещей, но должен быть установлен” (Mol 2002: 177).

Но кто и как будет устанавливать ответ? Одним из уроков (если мы все еще верим, что история способна их преподнести) перестроенного дискурса может стать заключение о том, что индустрия коммерческих сексуальных услуг не должна рассматриваться как стабильное и гомогенное поле. Социальный и политический анализ этой сферы на всех уровнях должен учитывать не только различные опыты, ситуации и ценности людей, в ней находящихся, но также и те ситуации, в которых они становятся возможны. Если действительно “понятие политики резонирует с открытостью” (Mol 2002: 177), то выстраивая феминистский проект для секс-работниц и вместе с ними стоит постараться сделать возможным учет и включение в него различных, а также множественности объектов и сил, встроженных в их производство.

Литература

Голосенко И., Голод С. (1998) *Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса)*. СПб.: Петрополис.

Кон И. (2010) *Клубничка на березке: Сексуальная культура в России*. М.: Время.

Кондаков А. (2017) Рабство и господство как взаимные отношения: анализ договорных отношений в БДСМ. *Новое литературное обозрение*, 147(5): 170–183.

Крупец Я., Нартова Н. (2010) Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости. *Журнал исследований социальной политики*, 8(4): 537–550.

Латур Б. (2014а) *Почему выдохлась критика?* [http://www.ncca.ru/app/images/file/Bruno_Latour.pdf] (дата обращения 08.05.2017).

Латур Б. (2014б) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. И. Полонская (пер.), С. Гавриленко (ред.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Роткирх А. (2011) *Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев*. СПб.: Издательство ЕУСПб.

Русакова Я., Яковлева А. (2010) Региональная специфика современной российской проституции (на примере Санкт-Петербурга и Оренбурга). *Петербургская социология сегодня*, 1: 451–467.

Ходырева Н. (2006) *Современные дебаты о проституции: гендерный подход*. СПб.: Алетейя.

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО.

Avgerinos K. (2006) From Vixen to Victim: The Sensationalization and Normalization of Prostitution in Post-Soviet Russia. *Vestnik, The Journal of Russian and Asian Studies* [http://www.sras.org/normalization_of_prostitution_in_post-soviet_russia] (available at 25.06.2017).

Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 28(3): 801–831.

Borenstein E. (2006) Selling Russia: Prostitution, Masculinity and Metaphors of Nationalism after Perestroika. In: Goscilo H., Lanoux A. (eds.) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*. De Kalb: Northern Illinois University Press: 174–195.

Brown W. (1995) *States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Butler J. (1990) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. NY.: Routledge.

Clarke A. (2005) *Situational analysis: Grounded theory after the postmodern turn*. London: Sage.

Clarke A., Montini T. (1993) The Many Faces of RU486: Tales of Situated Knowledges and Technological Contestations. *Science Technology Human Values*, 18: 42–78.

Gal S., Kligman G. (2000) *The Politics of Gender after Socialism: A Comparative-Historical Essay*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gibson-Graham J.K. (2006) *The end of capitalism (as we knew it): a feminist critique of political economy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Halberstam J. (2005) *In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives*. NY.: New York University Press.

Hall P., McGinty P. (2002) Social Organization Across Space and Time: The Policy Process, Mesodomain Analysis, and Breadth of Perspective. In: Chew S., Knottnerus D. (eds.) *Structure, Culture, and History: Recent Issues in Social Theory*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield: 303–322.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives. *Feminist Studies*: 14(3): 575–599.

Harding S. (1993) Rethinking Standpoint Epistemology: What is ‘Strong Objectivity’? In: Alcoff L., Potter E. (eds.) *Feminist Epistemologies (Thinking Gender)*. London: Routledge: 49–82.

Levy J., Jacobsson P. (2013) Abolitionist feminism as patriarchal control: Swedish understandings of prostitution and trafficking. *Dialectical Anthropology*, 37(2): 333–340.

Kendall G., Wickman G. (2004) The Foucauldian Framework. In: Seal C., Gobo G., Gubrium J.F., Silverman D. (eds.) *Qualitative Research Practice*. London: Sage: 141–150.

Kulick D. (2003) Sex in the new Europe: The criminalization of clients and Swedish fear of penetration. *Anthropological Theory*, 3(2): 199–218.

Law J., Urry J. (2004) Enacting the social. *Economy and Society*, 33(3): 390–410.

McNair B. (2006) *Glasnost, Perestroika and the Soviet Media*. London, NY: Routledge.

Mol A. (2002) *The Body Multiple: ontology in medical practice*. Durham, NC: Duke University Press.

Prior L. (2003) *Using Documents in Social Research*. London: Sage.

Overall C. (1992) What's Wrong with Prostitution? Evaluating Sex Work. *Signs*, 17(4): 705–724.

Pateman C. (1999) What's Wrong with Prostitution? *Women's Studies Quarterly*, 27(1/2): 53–64.

Washburn R. (2015) Rethinking the Disclosure Debates: A Situational Analysis of the Multiple Meanings of Human Biomonitoring Data. In: Clarke A., Friese C., Washburn R. (eds.) *Situational analysis in practice: mapping research with grounded theory*. Walnut Creek: Left Coast Press: 241–269.

Waters E. (1989) Restructuring the 'Woman Question': Perestroika and Prostitution. *Feminist Review*, 33: 3–19.

Эмпирические источники

“Аврора” (1988). В ответ на повесть Владимира Кунина “Интердевочка”. №8.

“Аврора” (1989). Вокруг Интердевочки. Разговор с читателями. №8.

Гальперин И. (1987) Крайняя необходимость // *Литературная Газета*, 13 мая (№20).

Додолев Е. (1986а) Белый танец. Кроссворд для взрослых (Начало) // *Московский Комсомолец*, 19 ноября (№267).

Додолев Е. (1986) Белый танец. Кроссворд для взрослых (Продолжение) // *Московский Комсомолец*, 21 ноября (№268).

Дубковский Ю. (1987) Девочки с пригорка // *Ленинградская правда*, 7 июня.

Иновели И. (1987) Тяжкое бремя легкого поведения // *Заря Востока*, 25 сентября (№221).

Кислинская Л. (1987) “Легкое поведение” на весах правосудия // *Советская Россия*, 12 марта (№58).

Кривомазов Н., Овчаренко Г. (1987) А домой приходили на цыпочках // *Огонек*, №15.

Кунин В. (1988) Интердевочка // *Аврора*, №2-3.

Куров Г. (1987) Исповедь “ночной бабочки” // *Советская Россия*, 19 марта (№64).

Мысяков Д., Якубович П. (1986) Дама с “подачкой” // *Комсомольская Правда*, 9 октября.

Осинский И., Попов Ю. (1987) Грехопадение // *Советская Белоруссия*, 13 ноября (№261).

Панчевский А. (1986) Барьер несовместимости. *Советская Белоруссия*, 18 июля (№164).

Правда Украины. (1987) Имя им — паразиты. 15 мая.

Правов А. (1987) Пляжные девочки // *Комсомольская Правда*, 19 апреля (№218).

Собеседник (1989). Этот “страшный” шведский секс. №48.

Черкасов Ю. (1986) Ночные охотницы. тревожные размышления о тенях на тротуаре // *Московский Комсомолец*, 24 октября (№245).

Шаров В. (1987) Улыбка “Джозефины”. Откровенно о постыдном // *Правда Украины*, 29 марта (№73).

“WHAT’S WRONG WITH PROSTITUTION?”: THE DISCOURSE OF THE PRINT MEDIA IN THE PERESTROIKA ERA

*Daniil Zhaivoronok**

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Citation: Zhaivoronok D.V. (2017) “Chto ne tak s prostitutsiyey?”: diskurs pechatnykh SMI epokhi Perestroyki “What’s Wrong with Prostitution?”: The Discourse of the Print Media in the Perestroika Era]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 75–94 (in Russian).

Abstract: The article analyzes the programmatic discourse on prostitution that arose in the Soviet print media in the era of Perestroika. Within the framework of situational discourse analysis, the construction of the image of women who provide commercial sex services is studied. One of the main theses of the article is that “prostitution” is a heterogeneous discursive assemblage, which includes various elements mutually constituting each other. During Perestroika, the discourse on prostitution was simultaneously a discourse about the role of the journalist, gender order, state and national boundaries, capitalism and socialism, motherhood, currency, power relations, labor, consumption, forms of life, and morals. The consideration and attention to the heterogeneity of the composition of “prostitution” as a discursive assemblage/object opens the possibility for feminist analysis and critique of this phenomenon, based not on pre-established positions and categories, but on situational, immanent and de-essentialist analysis of discursive production. Thus, the position of certain feminist researchers who argue that prostitution in its essence represents the oppression of women by men, the objectification of the female body, and the exploitation of female sexuality, is questioned. Instead, it is argued that feminist politics that refuse essentialist assertions must be attentive to the multitude and variety of experiences, situations, discourses assembled under the umbrella term “sex work/prostitution”.

Keywords: discourse analysis, gender, feminism, Perestroika, prostitution, situational analysis

References

- Avgerinos K. (2006) From Vixen to Victim: The Sensationalization and Normalization of Prostitution in Post-Soviet Russia. *Vestnik, The Journal of Russian and Asian Studies* [http://www.sras.org/normalization_of_prostitution_in_post-soviet_russia] (available at 25.06.2017).
- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 28(3): 801–831.
- Borenstein E. (2006) Selling Russia: Prostitution, Masculinity and Metaphors of Nationalism after Perestroika. In: Goscolo H., Lanoux A. (eds.) *Gender and National Identity in Twentieth Century Russian Culture*. De Kalb: Northern Illinois University Press: 174–195.

* E-mail: dzhajvoronok@eu.spb.ru

Brown W. (1995) *States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Butler J. (1990) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. NY.: Routledge.

Clarke A. (2005) *Situational analysis: Grounded theory after the postmodern turn*. London: Sage.

Clarke A., Montini T. (1993) The Many Faces of RU486: Tales of Situated Knowledges and Technological Contestations. *Science Technology Human Values*, 18: 42–78.

Gal S., Kligman G. (2000) *The Politics of Gender after Socialism: A Comparative-Historical Essay*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gibson-Graham J.K. (2006) *The end of capitalism (as we knew it): a feminist critique of political economy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Golosenko I., Golod S. (1998) *Sotsiologicheskiye issledovaniya prostitutsii v Rossii (istoriya i sovremennoye sostoyaniye voprosa)* [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current state of the issue)]. St. Petersburg: Petropolis (in Russian).

Halberstam J. (2005) *In a Queer Time and Place: Transgender Bodies, Subcultural Lives*. NY.: New York University Press.

Hall P., McGinty P. (2002) Social Organization Across Space and Time: The Policy Process, Mesodomain Analysis, and Breadth of Perspective. In: Chew S., Knottnerus D. (eds.) *Structure, Culture, and History: Recent Issues in Social Theory*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield: 303–322.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives. *Feminist Studies*: 14(3): 575–599.

Harding S. (1993) Rethinking Standpoint Epistemology: What is ‘Strong Objectivity’? In: Alcoff L., Potter E. (eds.) *Feminist Epistemologies (Thinking Gender)*. London: Routledge: 49–82.

Kendall G., Wickman G. (2004) The Foucauldian Framework. In: Seal C., Gobo G., Gubrium J.F., Silverman D. (eds.) *Qualitative Research Practice*. London: Sage: 141–150.

Khodyreva N. (2006) *Sovremennye debaty o prostitutsii: gendernyi podhod* [Contemporary debate about prostitution: a gender approach]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Kon I. (2010) *Klubnichka na berezke: Seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberry on the birch: Sexual culture in Russia]. M.: Vremia (in Russian).

Kondakov A. (2017) Rabstvo i gospodstvo kak vzaimnye otnosheniya: analiz dogovornikh otnosheniy v BDSM [Master and Slave as a Collaborative Relationship: an Analysis of Contractual Relationships in BDSM]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 147(5): 170–183 (in Russian).

Krupets J., Nartova N. (2010) Pereopredeleniye granits mezhdru trudom, udovol'stviyem i nasiliyem: seks-rabota kak osobyi vid neformal'noy zanyatosti [Redefining the boundaries between work, pleasure and violence: sex work as a special kind of informal employment]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 8 (4): 537–550 (in Russian).

Kulick D. (2003) Sex in the new Europe: The criminalization of clients and Swedish fear of penetration. *Anthropological Theory*, 3(2): 199–218.

Latur B. (2014a) Pochemu vyдохlas' kritika? [Why did the criticism run out?] [http://www.ncca.ru/app/images/file/Bruno_Latour.pdf] (available at 08.05.2017) (in Russian).

Latur B. (2014b) *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: Introduction to the Actor-Network Theory]. Polonskaya I. (trans.), Gavrilenko S. (ed.). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014b (in Russian).

- Law J., Urry J. (2004) Enacting the social. *Economy and Society*, 33(3): 390–410.
- Levy J., Jacobsson P. (2013) Abolitionist feminism as patriarchal control: Swedish understandings of prostitution and trafficking. *Dialectical Anthropology*, 37(2): 333–340.
- McNair B. (2006) *Glasnost, Perestroika and the Soviet Media*. London, NY.: Routledge.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: ontology in medical practice*. Durham, NC: Duke University Press.
- Overall C. (1992) What's Wrong with Prostitution? Evaluating Sex Work. *Signs*, 17(4): 705–724.
- Pateman C. (1999) What's Wrong with Prostitution? *Women's Studies Quarterly*, 27(1/2): 53–64.
- Prior L. (2003) *Using Documents in Social Research*. London: Sage.
- Rothkirch A. (2011) *Muzhskoy vopros: lyubov' i seks trekh pokoleniy v avtobiografiyakh peterburzhtsev* [The Man Question: Love and Sex of Three Generations in Autobiographies of St. Petersburg's citizens]. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Rusakova Ya., Yakovleva A. (2010) Regional'naya spetsifika sovremennoy rossiyskoy prostitutsii (na primere Sankt-Peterburga i Orenburga) [Regional specificity of modern Russian prostitution (on the example of St. Petersburg and Orenburg)]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 1: 451–467 (in Russian).
- Washburn R. (2015) Rethinking the Disclosure Debates: A Situational Analysis of the Multiple Meanings of Human Biomonitoring Data. In: Clarke A., Friese C., Washburn R. (eds.) *Situational analysis in practice: mapping research with grounded theory*. Walnut Creek: Left Coast Press: 241–269.
- Waters E. (1989) Restructuring the 'Woman Question': Perestroika and Prostitution. *Feminist Review*, 33: 3–19.
- Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever, until it was no more. The Last Soviet Generation]. M.: NLO (in Russian).